

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В ТЕЧЕНИЕ 1823 ГОДА

В старину науки зажигали светильник свой в погасающих перунах войны и цветы красноречия всходили под тению мирных олив. В наши времена, когда состояние ученого и война не сливается уже в одну черту, мы видим совсем противное: топограф и антикварий поверяют свои открытия под знаменем бранным; гром отдаленных сражений одушевляет слог авторов и пробуждает праздное внимание читателей; газеты превращаются в журналы и журналы в книги; любопытство растет, воображение, недовольное сущностью, алчет вымыслов и под политическою печатью словесность кружится в обществе. Это было и с нами в Отечественную войну. Наполеон обрушился на

* «Любопытны». Басня И. А. Крылова,

нас — и все страсти, все выгоды пришли в волнение; взоры всех обратились на поле битвы, где полсвета боролось

Россией и целый свет ждал своей участи. Тогда слова *отечество* и *слава* электризовали каждого. Каждый листок, где было что-нибудь отечественное, перелетал из рук в руки с восхищением. Похвальные песни, плохи или хороши они были, раздавались по улицам, и им рукоплескали в гостиных, — одним словом, все тогда казалось прекрасным, потому что все было истинным. Но политическая буря утихла; укротился и энтузиазм. Внимание наше, утомленное блеском побед и подвигов, перевысивших все затейливые сказки Востока, и воображение, избалованное чудесным, напряженное великим, — постепенно погрузились опять в бездейственный покой. Огненная лава вырвалась, разлилась, подвинула океан — и застыла. Пепел лежит на ее челе, но в этом пепле таится растительная жизнь, и когда-нибудь разовьются на ней драгоценные виноградники. Вот картина любви наших соотечественников к словесности после войны; но теперешнему ее состоянию были еще и другие причины. Отдохновение после сильных ощущений обратилось в ленивую привычку; непостоянная публика приняла вкус ко всему отечественному, как чувство, и бросило

как моду. Войска возвратились с лаврами на челе, но французскими фразами на устах, и затаившаяся страсть к галлицизмам захватила вдруг все состояния сильнее, чем когда-либо. Следствием этого было совершенное охлаждение лучшей части общества к родному языку и поэтам, начинавшим возникать в это время, — и, наконец, совершенное оцепенение словесности в прошедшем году. Так гаснет лампада без течения воздуха, так заглушается дарованье без ободрений! О прочих причинах, замедливших ход словесности, мы скажем в свое время.

Приступаю к делу.

Ни один еще год не был беднее оригинальными произведениями прошедшего 1823-го. За исключением книг, до точных наук относящихся, вся наша словесность заключалась в журнальных, притом весьма немногих, статьях. Лишь печатные промышленники тискали вторым и третьим изданием сонники и разбойничьи романы для домашнего обихода в провинциях. Порой появлялись порядочные и сомнительные переводы прекрасных романов Вальтера Скотта, но ни одно из сих творений не вынесло имя переводчика на поверхность сонной Леты; во-первых, потому,

что пора славы за прозаические переводы уже миновала, а во-вторых, и слог их слишком небрежен.

Из оригинальных книг вышли в свет истекшего года: «Новейшие известия о Кавказе» С. Броневского и «Путешествие по Тавриде» Муравьева-Апостола. Обе сии книги во всех отношениях заслуживают внимание европейцев и особенную благодарность русских. Точность исторических изысканий, новость сведений географических и чистота слога венчают их похвалою археологов и литераторов и вообще делают их необходимыми книгами для ученого и светского человека. Г-н Булгарин, в своих «Записках о Испании», как очевидец, описал живо и завлекательно многие случаи народной войны испанцев с французами, обычаи первых и панораму благословенной стороны вторых. Рассказ его свеж и разнообразен, изложение быстро и выбор предметов нов. Г-н Мерзляков издал «Краткое начертание изящной словесности» весьма полезное для учащихся и учащихся, где он удачно подражал Эшенбургу¹. Слог его обленен убеждением, силою и красотою. Сочинение г-на Бутурлина «О нашествии Наполеона на Россию» и книжечка графа Ростопчина «Правда о пожаре Москвы» только по именам сочинителей принадлежат к русской словесности, потому что писаны по-французски; что же касается до слога переводов их, он неровен и полон галлицизмов. В числе книг полемических заметны: примечания г-на Грамматина на «Слово о полку Игореве», в котором он разрешил многие сомнительные места; но тон самоуверенности не всегда доказывает, что его доказательства бесспорны. Г-н Греч издал опыт новой русской грамматики под именем «Корректурных листов», где разворачивает совершенно новые и ближайшие к природе русского языка начала. К. Калайдович, почтенный археолог наш, посвятивший себя старине русской, напечатал статью «Археологические изыскания в Рязанской губернии», где виден зоркий взгляд знатока и опытность ученого. «Новое детское чтение» С. Глинки по слогу и цели своей имеет большое достоинство, и его же «Краткая Русская история» достойна быть ручною книжкою в семействах. Сим заключается книжная фаланга.

Маленькая поэма «Оскар и Альтос», г-на Олина, и перевод «Воспоминаний» Легуве, г-на Глебова, были единственными отдельными стихотворениями. Содержание первой взято из Оссиана; в ней беглые стихи, несколько удачных картин, искры чувства — и только. Достоинство же

другой заключается в верности перевода и плавности стихосложения. Говоря о театре, трудно решить: актеры, авторы или публика были виною упадка одного? Вероятно, что все в свою очередь; но то уже бесспорно, что никогда театр и сцена не были пустее. Не считая пьес, которые не читаются и не играют, одни старинные оперы забавили праздничных зрителей, а драмы и переводные водевили продовольствовали публику в течение недели. Из числа последних — князя Шаховского берут безусловное первенство над прочими. «Деревенский философ», комедия г-на Загоскина, развертывает забавные черты наших баричей, доказывая комический дар автора. «Сафо», лирическая трагедия г-на Сушкова, имеет только один недостаток: именно, что героиня пьесы топится в четвертом, а не в первом акте. В «Персее» г-на Ростовцова есть сильные стихи, удачные сцены, счастливые мысли — и недостаток действия. Две последние трагедии и не были представлены, и только прекрасный перевод «Федры» г-ном Лобановым одушевил умирающую сцену. В ней жар чувств, и прелесть стихов, и краткость выражений переданы точно и плавно. Публика увенчала переводчика рукоплесканиями, а критика заслуженною похвалою.

Чтения публичные в литературных обществах, возбуждая соревнования между молодыми писателями, развивают и в публике вкус к родной словесности. Нередко те, которые приезжают туда, чтобы других посмотреть или показать себя, возвращаются домой с новыми понятиями и с полезнейшею охотою. По обычаю, Императорская Российская Академия имела свое годичное торжественное заседание, и там знаменитый историограф наш, Н. М. Карамзин, растрогал слушателей отрывком своим из 10-го тома «Ист<ории> Гос<ударства> Росс<ийского>» о убийстве царевича Димитрия. Что сказать о совершенстве слога, о силе чувств! Сии качества от столь прекрасного начала идут все выше и выше, как орел, устремляющийся с вершины гор в небо. Г-н Жуковский читал прекрасный отрывок из переводимой им «Энеиды» и князь Шаховской — отрывок из высокой комедии своей «Аристофан». Общество соревнователей благотворения и просвещения имело тоже одно публичное заседание, где разнообразие предметов шло наравне с занимательностью их и любопытством слушателей. Между прочими достойными пьесами отличалась трогательная сцена из Шиллеровой «Июанны д'Арк» Жуковского и «Послание к Державину» г-на Туманского;

оно обличает талант молодого певца. В прозе: Греча и князя Вяземского отрывки из жизни И. И. Дмитриева. Общество при Московском университете собиралось для публичных заседаний ежемесячно; труды оно печатало. Должно сознаться, что литературные журналы всей Европы при нынешней естественной умонаклонности к политике — весьма незначительны, и в этом отношении русские нередко берут над ними преимущество. Из периодических изданий отличаются у нас полезными изысканиями, до отечественных древностей и языка относящимися: «Труды общества при Московском университете». В каждой части оных всегда есть много дельного. В сочинениях и переводах, издаваемых Российской Академиею, заключались переводы с старых и новых языков, критики и этимологии слов русских. «Модный журнал» (издатель г-н Шаликов, в Москве) пленял читателей чужою любезностью, невинными критиками, довольно нелюбопытными письмами и милыми стишками. «Журнал художеств» (изд. г-н Григорович, в С.-Петербурге), достойный благодарности по цели и похвалы по исполнению, составлялся из прекраснейших критических, теоретических и описательных статей, до изящных художеств касающихся, написанных с чувством знатока и языком опытного художника. Его еще мало у нас оценили. «Сибирский вестник» (изд. г-н Спасский, в С.-Петербурге) содержал в себе весьма любопытные известия о Сибири, которая менее известна нам самим, чем земля эскимосов. «Инвалид» (изд. г-н Воейков, в С.-Петербурге) принадлежит к словесности только своими прибавлениями, в коих если он был беднее других прозою, зато богаче всех хорошими стихами. Стихотворения г-на Языкова, некоторые пьесы г-на Плетнева, князя Вяземского, Жуковского, прелестное «Послание к Гнедичу» Баратынского и «Невское кладбище» самого издателя украсили оный. «Благонамеренный» (изд. г-н Измайлов, в С.-Петербурге) забавен для своего круга. «Журнал общества соревнователей просвещения и благотворения» (в С.-Петербурге), издаваемый с столь священной целью, нередко заключал в себе достойные его листки. Между прочими: «О древних посольствах в Россию» г-на Корниловича, «О романтизме» г-на Сомова и «Разбор русских писателей» князя Цертелева достойны внимания. «Отечественные записки» (изд. г-н Свиньин, в С.-Петербурге) хотя не всегда с историческою точностью, но всегда с патристическим жаром хранили и передавали черты народно-

го права, частных дел и замечательных событий. «Вестник Европы» (изд. г-н Каченовский, в Москве), патриарх русских журналов, правда, далеко отстал в поэзии от петербургских периодических изданий, но по части прозаической шел обыкновенным своим твердым шагом². В нем

прозе заметны статьи: г-на Гусева — «О метафизиках немецких» и «О русском языке» — неизвестного; по стихотворениям: отрывок из комедии «Лукавин» г-на Писарева и его же «Пир мудрецов». «Северный архив» (в С.-Петербурге), издатель оного г-н Булгарин, с фонарем археологии спускался в не разработанные еще рудники нашей старины и сбиранием важных материалов оказал большую услугу русской истории. Все новейшие путешествия, наши и чужестранные, являлись там первые. Там же критика Леллевеля на «Историю Государства Российского» была приятным и редким феноменом в областях словесности; беспристрастие, здравый ум и глубокая ученость составляют ее достоинство. «Прибавления к Северному архиву» г-на Булгарина же оживляют на берегах Невы парижского пустынного. Живой, забавный слог и новизна мыслей готовят в них для публики занимательное чтение, а оригиналы столицы и нравы здешнего света — неисчерпаемые источники для его сатирического пера. «Сын отечества» (изд. г-н Греч, в С.-Петербурге), неизменный поборник чистоты языка, по привычке заключал в себе много дельных статистических статей и очень хороших стихотворений. В числе критик (мимоходом, весьма плодотворных) особенно замысловаты: «Письма на Кавказ» самого издателя. В произведениях поэзии заметны: «Василек», прекрасная басня И. А. Крылова; «Путешественник» Жуковского; «Последний бард» Мансурова; «Май» Туманского, отрывок из «Освобожденного Иерусалима» Райча и некоторые другие. «Прибавления к «Сыну отечества» (изд. г-н Княжевичи, в С.-Петербурге) отличаются прекрасным выбором повестей и чистым, плавным языком. Между немногих оригинальных пьес носит отпечаток народности «Иван Костин» г-на Панаева; прочие переведены с разных языков. Вообще же во всех почти журналах число оригинальных произведений к числу переводов относилось как два к десяти, а пропорция чисто литературных статей к ученым была едва ль не тоще; это печально.

Мало-помалу Европа сквозь тусклые переводы начинает распознавать нашу словесность. В прошлом году почти

все повести из «Полярной звезды» были переданы на немецкий язык в журнале г-на Ольдекопа и повторились в других заграничных журналах. Г-н Линде перевел на польский все статьи, до истории русской литературы касающиеся, и приложил при переводе книги о том же предмете г-на Греча, наконец, г-н Сен-Мор, по следам Боуринга *, Борха ** и Гетце ***, примерных переводчиков-поэтов, издал ныне на французском языке «Русскую антологию»; но опыт его был равно неудачен как перевод и как сочинение: в копии нет и следов национальности образца. Русские цветы потеряли там не только запах, но даже и самый цвет свой. Так прокрался в вечность молчаливый прошедший год; казалось, он был осенью для соловьев нашей поэзии, и только в «Полярной звезде» отзывались они — и умолкли снова; только (с благодарностию замечаем) по быстрому и благосклонному приему «Полярной звезды» заметно было, что еще не погас жар к отечественной словесности в публике; впрочем, надобно и то сказать, что русский язык, подобно германскому в XVIII веке, возвышается ныне, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Теперь ученики пишут таким слогом, которого самые гении сперва редко добывали, и, теряя в численности творений, мы выигрываем в чистоте слога. Один недостаток — у нас мало творческих мыслей. Язык наш можно уподобить прекрасному усыпленному младенцу: он лепечет сквозь сон гармонические звуки или стонет о чем-то, — но луч мысли редко блуждает по его лицу. Это младенец, говорю я, но младенец Алкид, который в колыбели еще удушал змей! ³ — И вечно ли спать ему?

Р. С. Лишь теперь вышло в свет «Путешествие около света» г-на Головнина. Первая часть оного посвящена рассказу и описаниям истинно романическим; слог оных проникнут занимательностию, дышит искренностию, цветет простотою. Это находка для моряков и для людей светских. Еще спешим обрадовать любителей поэзии: маленькая и, как слышно и как несомненно, прекрасная поэма А. Пушкина «Бакчи-Сарайской фонтан» уже печатается в Москве.

* «Russian Anthology» («Русская антология» (англ.)).

** «Poëtische Erzeugnisse der Russen» («Поэтические произведения русских» (нем.)).

*** «Stimmen des Russischen Volks» («Голоса русского народа» (нем.)).

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ СЛОВЕСНОСТЬ В ТЕЧЕНИЕ 1823 ГОДА

Впервые — «Полярная звезда» на 1824 год», с. 265—271.

¹ И.-И. Эшенбург — немецкий критик литературы. Автор ряда трудов. Бестужев, по-видимому, имеет в виду его работу «Handbuch der klassischen Literatur» (1783).

² Эта часть статьи вызвала полемику между Бестужевым и Вяземским. Последний возражал против благожелательной оценки «Вестника Европы», занимавшего ретроградные позиции в литературной и общественной жизни. Позднее и Бестужев подверг этот журнал резкой критике (см. наст. изд., с. 77—78).

³ *Алкид* — одно из имен Геракла, бесстрашного героя греческой мифологии, смело вступающего в бой с грозными силами природы, с чудовищами, разбойниками, великанами и т. д.